

Грудь Рябого Вана сжалась от гнева. Его недовольный взгляд скользнул к Цзян Чжунсюэ, и он сказал:

— Девчонка, вы что, вместе? У тебя столько ран, а твоя подруга — цела и невредима? У твоей подруги такое красивое лицо, наверное, с ней трудно поладить? Так и есть, городские богачки — все капризные. Эта пощёчина была что надо! Вы что, сюда отдохнуть приехали? Как так сильно поранились?

Цинь Чаншэн не могла в двух словах объяснить всё, что случилось. Рябой Ван, видя, как она молча терпит обработку ран йодом, проникся к ней уважением. Она даже обезболивающего не просила, а когда он пинцетом немного раздвигал рану для тщательной очистки, не издала ни звука — её выносливость вызывала почтение.

Хотя на самом деле слизь, оставленная тем чудовищем, действовала как анестетик. Даже если бы он сейчас занялся ампутацией, она бы ничего не почувствовала.

Рябой Ван всё ещё с содроганием вспоминал ту пощёчину. Обработывая раны Цинь Чаншэн, он то и дело поглядывал на Цзян Чжунсюэ и, пользуясь моментом, нашёптывал Цинь Чаншэн:

— Девчонка, по-моему, у твоей подруги не все дома. И рука тяжёлая. Тебе бы с ней не связываться, а то и тебя прибьёт!

Цинь Чаншэн усмехнулась. Рябой Ван закончил мазать раны, взял пузырёк с белым порошком и осторожно засыпал его прямо в рану. Когда порошок растворился, он взял иглу с ниткой, окунул в спирт и протёр руки ваткой, смоченной в спирте.

Цинь Чаншэн с любопытством наблюдала — не ожидала она, что деревенский лекарь будет всё делать так чётко и аккуратно.

Рябой Ван, заметив её взгляд, самодовольно хихикнул:

— Я ведь тоже пару лет поучился в городе, немного медицину прошёл. В детстве в нашей деревне только двое учились в городе, и я был одним из них. А потом прошло несколько лет — и остался я один.

Цинь Чаншэн кивнула и спросила:

— Почему один? Тот человек бросил учёбу?

Рябой Ван покачал головой:

— Помер тот человек!

Цинь Чаншэн лишь «ах» произнесла и не стала развивать тему. Рябой Ван, осторожно зашивая рану, продолжал бормотать себе под нос:

— В нашей деревне народа-то всего ничего. Кто уезжает — не возвращается, детей мало. Учёных и того меньше. Жила у нас одна женщина, её дочь со мной вместе в школу ходила. Понимаешь, в такой бедной деревне, как наша, девочку учить — по мнению соседей, деньги на ветер. Но что поделаешь? Эта женщина в молодости одного образованного парня полюбила, связалась с ним, ребёнка родила, а он — сбежал! Вышла она замуж за другого, но ребёнка в школу отправить настояла. Её били, а она не отступалась. Дочь её ровесницей мне была, мы вместе в школу бегали.

Цинь Чаншэн больше не расспрашивала. В бедной отсталой деревне такая история, как отправка девочки в школу, наверняка у всех на слуху была.

Рябой Ван, словно что-то вспомнив, завязал узелок на нитке и, перевязывая ногу Цинь Чаншэн, покачал головой:

— Эх, жалко, право... Муж той женщины в Призрачный лес ушёл — и пропал. Потом и дочь туда же отправилась — и тоже не вернулась. Кстати, про её дочь... Помню, в начальной школе мы вместе учебники читали, а я её всё дразнил, говорил, что имя у неё как у «Минмина» из книжки!

У Цинь Чаншэн ёкнуло сердце.

Но она не успела заговорить, как Цзян Чжунсюэ, стоявшая рядом, спросила первой:

— Твою одноклассницу как звали?

Рябой Ван уже улёгся спать.

На полу соорудили временную постель — он принёс тонкое одеяло и расстелил его. Цинь Чаншэн в одном нижнем белье сидела на кровати; джинсы её были разрезаны Цзян Чжунсюэ на лоскуты, окровавленная футболка отброшена в сторону.

Цзян Чжунсюэ не собиралась спать. Она стояла у постели Цинь Чаншэн, наблюдая, как та, подстелив что-то чистое, осторожно укладывается, приподнимая ногу. Рябой Ван всё ворчал, уговаривая их спуститься с горы: мол, и раны обработаны кое-как, и хоть йодом дезинфицировал, и порошком присыпал, но он ведь самоучка, не чета городским докторам.

Мало ли, если в ране что-то останется, столбняк схватит — и пиши пропало.

Он долго бурчал, пока Цзян Чжунсюэ не бросила на него взгляд. Тогда он сразу притих. Услышав, что эти две намерены пожить в его комнате ещё несколько дней, Рябой Ван скорчил ещё более жалкую мину.

Но что поделать? Взгляд у Цзян Чжунсюэ был острый, будто лезвие, да ещё и обледеневшее. Он до сих пор с содроганием вспоминал ту пощёчину и не смел больше перечить под её холодным взглядом.

Считая себя полным неудачником, Рябой Ван вышел из комнаты, улёгся на своё одеяло на полу и, обуреваемый тревожными мыслями, даже спать не решался. Только лежал на боку и прислушивался к звукам из соседней комнаты.

Цинь Чаншэн лежала на кровати, скованная: на локте — деревянные шины для фиксации кости, нога туго замотана белыми бинтами. Цзян Чжунсюэ стояла рядом, скользя взглядом по перевязанной ноге, лицо бесстрастное.

Рябой Ван вышел. Цинь Чаншэн услышала, как в соседней комнате кто-то ворочается — наверное, он всё ещё беспокоился о них, боясь, как бы Цзян Чжунсюэ ночью не вышла и не прикончила его.

Цзян Чжунсюэ стояла у кровати, не проронив ни слова. Цинь Чаншэн посмотрела на неё и

спросила:

— Что будем делать с Рябым Ваном?

Дыхание за стеной вдруг замерло. Цзян Чжунсюэ, услышав, как за стеной дыхание стало тише и осторожнее, поняла намёк Цинь Чаншэн и ровно произнесла:

— Денег у меня с собой нет.

Цинь Чаншэн, видя, что та её поняла, внутренне расслабилась. Она понизила голос ровно настолько, чтобы его можно было расслышать, только прижавшись ухом к стене:

— Этот врач мне жизнь спас, я обязательно отблагодарю его деньгами. Но если поведёт себя неподобающе — разберёшься с ним.

Дыхание Рябого Вана снова прервалось. Медленно, очень медленно, с величайшей осторожностью он отодвинулся от стены. Движения его были скованными, механическими. Он согнулся и, крадучись, вернулся к своему одеялу на полу, бесшумно улёгся.

Цзян Чжунсюэ, стоя в комнате за занавеской, прислушалась к звукам — Рябой Ван вернулся на место. Тогда она спросила:

— Что ты думаешь о здешней Юй Минмин?

Цинь Чаншэн помолчала, а потом покачала головой:

— Честно говоря, полная путаница. Я сначала думала, что, возможно, Юй Минмин украла тело Юй Инь, поменявшись с ней душами, чтобы Юй Инь умерла в теле Юй Минмин. Но теперь я понимаю, что упустила одну важную деталь: а умерла ли вообще Юй Минмин?

Она помолчала ещё, и на её лбу залегли лёгкие морщинки сомнения:

— Наша семья Цинь выяснила, что прежняя личность Юй Минмин — сирота. Она не могла сказать, откуда она, кто её родные, знала только, что её зовут Юй Минмин. В тринадцать лет её удочерила обычная семья. Всё в ней было слишком... заурядно. Она не похожа на того, кто владел бы тёмными искусствами по переносу душ. Если тот ребёнок, что пропал в Призрачном лесу, и есть Юй Минмин, то как ей удалось пройти через тот лес невредимой? И почему, выбравшись, она забыла всё, помня лишь своё имя? И ещё: если у неё и вправду была способность к переносу душ, почему она ждала до университетских лет, чтобы кого-то сменить? Или же между Юй Инь и Юй Минмин была какая-то смертельная вражда, из-за которой Юй Минмин пришлось идти на перенос души, чтобы убить Юй Инь?

<http://bllate.org/book/16269/1464255>